ЛИНГВИСТИКА

В. В. Баранова

ПОКАЗАТЕЛЬ ОТРИЦАНИЯ *MAR* В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Статья посвящена показателю отрицания *mar* в чувашском языке. Данное описание основано на полевых материалах экспедиций в с. Малое Карачкино Ядринского района Республики Чувашия в 2017–2019 гг. — элицитированных примерах и текстах, и отражает, прежде всего, особенности малокарачкинского говора верхового диалекта чувашского языка. Постпозитивный показатель отрицания *mar* с узкой сферой действия непосредственно следует за отрицаемым именем. В неглагольных предложениях показатель отрицания *mar* выступает в качестве (квази)-связки и находится в конце высказывания. Круг значений *mar* составляют отрицание признака, отрицание идентификации объекта или сомнений в истинности/пригодности номинации, что характерно для аскриптивного отрицания. Другой контекст употребления связан с использованием показателя *mar* в зоне глагольного отрицания с некоторыми нефинитными формами: инфинитивом на *ma-*, формой на *-malla*, причастием будущего времени на *-as* и его формой *-asṣan*.

В статье подробно рассматриваются употребление *mar* как неглагольного отрицания и примеры использования в глагольных предложениях. Хотя основная задача статьи состоит в описании полевых материалов автора, дополнительно функции чувашского маркера отрицания *mar* рассматриваются в контексте показателей отрицания в других тюркских языках. Показатель отрицания *mar* сопоставляется с формами, выражающими семантику аскриптивного отрицания в других тюркских языках, прежде всего южной Сибири. Кратко рассматриваются показатели аскриптивного отрицания, родственные чувашскому *mar* (тувинское *eves*, хакасское *nimes* и др.), и неродственные формы (тат., башк. *tügel*, тур. *degil*). Семантика этих показателей во многом сходна с чув. *mar*, однако периферийные употребления и набор конструкций на основе показателя аскриптивного отрицания различаются. Данный предварительный очерк показывает значимость внутригенетической и ареальной типологии показателей именного отрицания.

Ключевые слова: чувашский язык, тюркские языки Сибири, малокарачкинский диалект, неглагольное отрицание, аскриптивное отрицание.

Введение

Отрицание в тюркских языках в значительной степени симметрично и в большинстве идиомов выражается аффиксом *-ma-*. Однако в разных тюркских языках симметричность нарушается в разных фрагментах системы отрицания, прежде всего при отрицании неглагольной предикации или отрицании императива, не входящих в стандартное отрицание (т. е. глагольного отрицания в декларативном предложении) (см. Miestamo, 2005). При рассмотрении функций показателей отрицания будут учитываться теоретические понятия стандартного отрицания, противопоставление глагольного и неглагольного отрицания, а также типы нестандартного отрицания — экзистенциальное и аскриптивное. Л. Веселинова называет аскриптивным отрицание именных или наречных предикаций, которое выражает отрицание включения в класс, постоянного свойства или временного свойства (Veselinova, 2015: 550).

¹ Статья подготовлена в рамках работы над проектом по гранту РФФИ 20-312-70009, «Грамматические особенности тюркских языков Поволжья» (рук. С. А. Оскольская). Я благодарна коллегам по проекту и всем участникам экспедиций, особенно М. А. Холодиловой, за ценные замечания к черновой версии статьи, а также нашим языковым консультантам. Тувинские примеры в этой статье предоставлены А. А. Сюрюн (ИЛИ РАН), которой я также выражаю признательность.

Развитие периферии системы отрицания в тюркских языках происходило как за счет сращения показателя отрицания с другими морфемами и формирования не полностью композициональной семантики, так и за счет втягивания в систему отрицательных маркеров других слов или форм, кроме суффикса *-ma-*. В первом случае довольно сложно определить момент, когда речь идет уже о другом показателе отрицания: например, башкирский суффикс *-majənsa* состоит из сочетания суффикса *-ma-* с аффиксом деепричастия на *-yansa*, однако для современных описаний, по крайней мере одного из диалектов, как показывает Д. Ф. Мищенко, *-majənsa* является кумулятивным маркером, выражающим отрицание и определенную видо-временную семантику (Baranova, Mishchenko forthcoming). Примерами второго типа развития могут служить неморфологизованные показатели отрицания, например, турецкое *değil* или *tügel* в татарском и башкирском. Показатель экзистенциального отрицания, представленный почти во всех тюркских языках, в некоторых из них включается в область глагольного отрицания, например, *juq* в башкирском используется в настоящем времени. Аналогичный чувашский показатель *εok* используется только в неглагольном предложении.

В центре внимания в данной статье находится показатель отрицания *mar* в чувашском языке, и цель статьи — описать круг употребления данного маркера. Дополнительная задача состоит в сопоставлении показателя *mar* с функционально сходными и иногда родственными показателями в некоторых тюркских языках Сибири и Поволжья.

Статья основана на полевых материалах, записанных в с. Малое Карачкино (Пошкарт) Ядринского района Республики Чувашия в 2017–2019 гг. в рамках экспедиций НИУ ВШЭ — СПб под руководством М. А. Холодиловой. Данные представлены примерами как из лингвистических анкет, так и из текстов. Малокарачкинский (пошкартский) идиом — один из говоров чувашского (наиболее удаленных от литературного и наименее описанных). Для сравнения с другими тюркскими языками Поволжья и Сибири привлечены корпуса текстов, лингвистические описания, в одном случае — консультация носителя (тувинский, А. А. Сюрюн).

Статья организована следующим образом: сначала представлено очень краткое описание системы показателей отрицания в малокарачкинском идиоме, затем дано описание показателя отрицания *mar*, затем он сопоставляется с функциями родственных показателей в тюркских языках Южной Сибири (именное отрицание *nimes* в хакасском, *emes* в тофаларском, *eves* в тувинском, *ebes* в шорском) и с другими показателями аскриптивного отрицания.

1. Система отрицания в малокарачкинском говоре чувашского языка

В некоторых фрагментах малокарачкинская система отличается от стандартного чувашского языка, однако здесь эти различия несущественны и краткое описание системы отрицательных форм дано на основе полевых материалов автора. Система отрицания в малокарачкинском варианте чувашского языка состоит из нескольких показателей: глагольное отрицание выражено аффиксом *-ma-*, показатель прохибитива прокликтика *an*, копула *εok* и (квази)копула *mar* в разных типах неглагольной предикации и с некоторыми нефинитными формами, а также именное отрицание — каритив *-sər-*.

Аффикс *-ma-*, как уже упоминалось, выполняет функции показателя стандартного отрицания, т. е. является глагольным отрицанием в декларативной клаузе. Чувашское отрицание в основном симметрично: аффикс *-ma-/m-*, регулярным образом присоединяющийся к большинству глагольных форм, хотя для ряда форм есть асимметрия в употреблении. Препозитивная частица отрицания в императивной зоне *an* в литературном чувашском используется со всеми лицами, но в малокарачкинском идиоме (в отличие от литературного чувашского

языка) есть тенденция к использованию частицы *an* только для отрицания собственно императива 2 л.

- 1) *an* *хојгә*
 ПРОН грустить[IMP.2SG]
 ‘Не грусти’.

Синтетические формы гортатива и юссива практически не используются и вместо них представлены аналитические конструкции с формами *давай/айда* и *пусть* и личными формами 1 и 3 л. в ед. и мн. ч., которые отрицаются аффиксом *-ta*.

- 2) *ajda* *ku* *il-me-për*
 давай этот покупать-NEG-NPST.1PL
 ‘Давай не будем это покупать!’

Копула экзистенциального отрицания в чувашском имеет форму *ёок*. Наряду с показателем отрицания *ёок* употребляется также форма *ёокә*. Показатель отрицания *ёок* покрывает широкий круг ситуаций, которые могут быть представлены как отсутствие объекта, т. е. выполняет функции экзистенциального отрицания.

- 3) *Malij Karatekin* *Morgoz-a* *avtobus ёок*
 Малое Карачкино Моргауши-ОВJ автобус NEG_EX
 ‘Нет автобуса из Малого Карачкино в Моргауши’.

Другой контекст для этого показателя — отрицание принадлежности (в посессивных контекстах также используется аффикс каритива *-sär-*). В локативных контекстах используются и копула *ёок*, и показатель *mar*, который подробнее рассмотрен в следующем разделе. Кроме того, слово *ёок* используется в качестве слова ‘нет’ в ответах.

2. Показатель отрицания *mar*

Показатель *mar*, по-видимому, восходит к сочетанию аффикса отрицания *-ta-* с формой причастия от ‘быть’ **är-mār* (Федотов 1986: 95). Показатель *mar* ведет себя как частица и не клитизируется (в частности, обладает отдельным ударением и не участвует в чередованиях по сингармонизму). Частица *mar* всегда находится в постпозиции к слову, если имеет узкую сферу действия, или в абсолютном конце предложения.

Показатель *mar* используется для отрицания предикаций идентификации (4) и включения в класс (5).

- 4a) *ёак* *ён* *pern* *uteitel*
 Этот человек мы.GEN учитель
 ‘Этот человек — наш учитель’.

- 4b) *ёак* *ён* *pern* *uteitel* *mar*
 Этот человек мы. GEN учитель NEG_ASCR
 ‘Этот человек не наш учитель’.

- 5a) *kit polä*
 кит рыба
 ‘Кит — рыба’.

- 5b) kit polə mar
 кит рыба NEG_ASCR
 ‘Кит — не рыба’.

Функция включения в класс в повседневной речи и в текстах часто проявляется в уточнении неправильной идентификации или такой, в которой говорящий не полностью уверен.

- 6) галстук mar=xa, totər=xa vəl, галстук mar=xa
 Галстук NEG_ASCR=NCAT платок=NCAT 3SG галстук NEG_ASCR=NCAT
 ‘Это не галстук, платок, не галстук’.

- 7) katəga mar=xa kon-da, ili katəga=j?
 коза NEG_ASCR=NCAT этот-LOC или коза=Q
 ‘Там не коза или коза?’

Другой распространенный случай употребления показателя *mar* — отрицание признака при прилагательных в предикативной позиции.

- 8a) Petə xitre
 Петя красивый
 ‘Петя красивый’.
- 8b) Petə xitre mar
 Петя красивый NEG_ASCR
 ‘Петя некрасивый’.

Показатель *mar* используется и для отрицания прилагательных и наречий в атрибутивной позиции. В этой функции он непосредственно примыкает к отрицаемому слову.

- 9) taza mar vəzam produkt-sam
 чистый NEG_ASCR 3PL продукт-PL
 ‘Нечистые продукты’.

Описанные выше функции относятся к *аскриптивному отрицанию*, показатели которого во многих языках не совпадают со стандартными маркерами отрицания, а являются отдельными или совмещены с показателями для отрицания бытийных предложений. Показатели отрицания в неглагольной предикации в конкретных языках могут по-разному покрывать семантику аскриптивного отрицания, экзистенциального, отрицания локативных и посессивных предложений.

Как уже упоминалось, в локативных предложениях встречаются и показатель отрицания *mar*, и копула *əok*². Семантические отличия не всегда очевидны в тексте, но анкетирование показывает, что в примере (10a) говорящий отмечает, что собаки нет именно на улице (и, вероятно, она находится в каком-то другом месте), тогда как в (10b) указывается именно отсутствие собаки (возможно, ее в принципе не существует).

- 10a) jidə oɾam-ra mar
 Собака улица-LOC NEG_ASCR
 ‘Собака не на улице’.

² В башкирском языке похожим образом допустимо использование в локативных контекстах показателей *tügel* и *juq* (Мищенко, 2017: 113).

- 10b) oram-ra jidə ɛok
 собака улица-LOC NEG_EX
 'На улице нет собаки'.

Хотя показатель *mar* используется прежде всего в неглагольной предикации, в некоторых фрагментах он вторгается в зону глагольного отрицания. Так, в частности, показатель *mar* отрицает инфинитив на *-ma* и второй инфинитив на *-mA-lA* (или «причастие долженствование»).

- 11) ɛanda arman art-ma mar, tirə vır-ma kaj-za=da
 тот мельница молотъ-INF NEG_ASCR зерно жать-INF идти-CV_SIM=ADD
 'Туда не молотъ, а зерно жать пошли'.

- 12) san onda kaj-ma-la mar
 2SG.GEN туда идти-INF-ATTR NEG_ASCR
 'Тебе туда не надо идти'.

Кроме того, показатель *mar* используется также для отрицания дезидеративной формы *-asşən /-esşən*. Эта форма представляет собой сочетание причастия будущего времени на *-as/-es-* с аффиксом причинно-целевого падежа, реконструируемое на синхронном уровне как сочетание аффиксов, но, по-видимому, обладающее не полностью композиционными грамматическими свойствами.

- 13) per-n ab-i=de vërend-es-şən=ek mar
 мы-GEN мать-P.3=ADD учить-PC_FUT-CSL=EMTH NEG_ASCR
 'Наша мама тоже не очень хотела учить'.

Можно заметить, что случаи употребления показателя *mar* за пределами неглагольной предикации связаны с использованием с нефинитными формами. В зависимой клаузе круг нефинитных форм, которые используются с показателем *mar* в зависимой клаузе, чуть шире, в частности, встречается близкое к номинализации причастие будущего времени в примере (14).

- 14) abe kala-p: «parang-in-e poɛtar-ma
 мать.OBJ говорить-PRS.1SG картошка-P_3-OBJ собирать-INF
 kaj-as mar pol-at, sana eple
 уходить-PC_FUT NEG быть-PRS.3SG 2SG.OBJ как
 pək-sa ɛit-me-lle».
 смотреть-CV_SIM доходить-INF-ATTR
 'Маме говорю: «Картошку собирать не ходить что ль, как за тобой успевать ухаживать»'.

Показатель *mar* не демонстрирует свойств копулы, в частности к нему не присоединяются лично-числовые показатели. К показателю *mar* могут добавляться усилительные или смягчающие и вопросительные частицы/клитики *xa*, *i*, *te* и др. Отрицание *mar* присоединяет показатели, относящиеся ко всей клаузе, но находящиеся на последнем слове (обычно глагольной форме или связке), например, частицу *tək*, оформляющую условные предложения, или показателя каузалиса *-şən*, оформляющего причинные клаузы.

- 15) Vëren-me kër-eş-şën mar=dək – şkol-an
 учиться-INF входить-PC_FUT-CSL NEG_ASCR=COND şkola-OBJ
 an eøge
 ПРОН двигаться
 ‘Если не хочешь поступить в институт, можешь прогуливать школу’ (=не ходи).

Кроме того, показатель *mar* присоединяет клитику =*teə* в оптативном значении.

- 16) ep nim=de şarla-ma-p, no man kol-ma-la
 1SG ничто=ADD журчать-NEG но я.GEN смеяться-INF-ATTR
 mar=*teə*
 NEG_ASCR=COP.PST
 ‘Я молчу, но мне бы не рассмеяться’.

3. Аскриптивное отрицание в других тюркских языках

В данном разделе кратко рассматриваются похожие показатели отрицания в других тюркских языках. Прежде всего, это показатели *eves* в тувинском и телеутском, *ebes* в шорском, *emes* в тофаларском и *nimes* в хакасском. Как и чувашский показатель *mar*, они восходят к сочетанию архаичного глагола **är-* ‘быть’ с аффиксом глагольного отрицания. Другие, сходные по функциям показатели, турецкое *değil* или *tügel* в татарском и башкирском, этимологически не связаны с чувашским показателем *mar*.

Насколько можно судить по имеющимся корпусам и грамматикам, центральные функции этих показателей довольно похожи. Например, тувинский показатель *eves* прежде всего отрицает включение в класс, указывает на «несоответствие с названным объектом», например, ‘это не лошадь’ (Дамбаа, 2005: 7). Однако развитие дополнительных конструкций дает нехарактерные для родственных идиомов значения, в частности, в тувинском *eves* используется как плеонастическое отрицание, усиливающее признак, см. пример (17) и (Дамбаа, 2005: 7).

- 17) алгы эвес алгы дыңнал-ган
 возглас NEG_ASCR возглас слышаться-PC_PST
 ‘Послышался дикий крик’ (букв.: крик не крик) (тувинский, А. А. Сюрюн, р.с.)

Важное различие касается сочетания именного отрицания с глагольными формами, допустимого в одних тюркских языках и не встречающегося в других. Некоторые примеры такого использования показателя *mar* с нефинитными формами были представлены в Разделе 2. Другим примером может быть проанализированное Д. Ф. Мищенко использование показателя *tügel* для отрицания формы будущего времени на *-asak(-jäsäk)* в башкирском языке, наряду с отрицанием этой формы аффиксом стандартного отрицания *-ma-* (Barganova, Mishchenko forthcoming; Мищенко 2017).

Различаются и грамматические свойства показателей. В ряде языков показатель аскриптивного отрицания может присоединять лично-числовые показатели, как показывают примеры из хакасского, татарского и башкирского языков.

- 18) А синің? Син Пыдырах-таң ниме-ссің?
 а 2SG.GEN 2SG Бутрахты-ABL NEG_ASCR-2SG
 ‘А у тебя? Ты не из Бутрахтов?’ (хакасский, УКДХЯ).

- 19) Без бире-дэ бер-ебез дэ профессионал-лар түгел-без
 1PL здесь -LOC один-POSS-1PL ADD профессионал-PL NEG_ASCR-1PL
 ‘Мы здесь не профессионалы’ (татарский, ТНТ-ТТ).
- 20) Min jađ-əw-sə tügel-men.
 1SG писать-NMLZ-AG NEG.COP-1SG
 ‘I am not a writer.’ (Bashkir, (Baranova, Mishchenko forthcoming))

Показатель *mar* не сочетается с лично-числовыми показателями, однако в чувашском языке они не присоединяются к именным предикатам, так что данное свойство не дает возможности судить об особых свойствах именно отрицательного показателя *mar* как копулы.

В других идиомах показатель аскриптивного отрицания, наоборот, может сочетаться с бытийной связкой в эмфатических контекстах (что также несвойственно показателю *mar*). Согласно Н. Серээдар в примере (20) говорящий считает, что слушающий знает, что у него отсутствует книга.

- 20) Мен-де ном-Ø бар эвес
 1SG-LOC книга-NOM быть NEG_ASCR
 ‘У меня книги нет ведь.’ (тувинский, (Серээдар, 2019: 128)).

Заключение

Рассмотренные контексты употребления показателя отрицания *mar* характерны для аскриптивного отрицания (отрицание предикации включения в класс, идентификации и свойств объекта) в неглагольной предикации и отрицания, примыкающего к наречиям или прилагательным. Полевые материалы показывают, что показатель *mar* может использоваться с некоторыми нефинитными формами, то есть развивается в сторону показателя отрицания в глагольной предикации.

По своим грамматическим свойствам чувашский показатель *mar* демонстрирует свойства отдельного, неклитизованного слова. Он не может присоединять предикативные показатели. Именной морфологии в строгом смысле слова он не присоединяет, хотя встречается с клитиками, которые могут оформлять клаузу целиком и располагаться на последнем слове.

Форма отрицания, восходящая к сочетанию аффикса *-ma-* с глаголом **är*, в тюркских языках Сибири имеет похожие контексты употребления. Различаются некоторые дополнительные функции и значения, возникающие только в некоторых идиомах, как, например плеонастические конструкции в тувинском языке. Различается оформление этого отрицательного слова лично-числовыми показателями, а также возможность или невозможность вторжения в зону глагольного отрицания. Такое развитие сходно с тем, как употребляются показатели именного отрицания в башкирском (Baranova, Mishchenko forthcoming) и, возможно, в некоторых других тюркских языках. Дальнейшее сравнение этих показателей может показать интересные закономерности развития отрицания в неглагольной предикации.

Список сокращений:

ADD — аддитивная частица; CSL — причинно-целевой падеж; COP.PST — связка прошедшего времени; EMPH — эмфатическая частица; GEN — родительный падеж; LOC — местный падеж; NCAT — смягчающая частица; NEG_ASCR — аскриптивное отрицание; NEG_EX — экзистенциальное отрицание; PC_FUT — причастие будущего времени; PC_PST — причастие прошедшего времени; PROH — прохибитив.

Использованные источники:

ТНТ-ТТ — Татарский национальный корпус «Туран тел». <http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/>
Корпусы ИЭА РАН. Корпус шорского языка. <http://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php>
УКДХЯ — Устный корпус диалектов хакасского языка. https://linghub.ru/oral_khakas_corpus/search

Список литературы:

- Дамбаа О. В.** Лексические средства отрицания в тувинском языке в сопоставлении с южносибирскими тюркскими, монгольским и древнетюркскими языками // Автореферат дис. ...канд. филол. наук. Новосибирск, 2005.
- Мищенко Д. Ф.** Неглагольные предложения башкирского языка и способы выражения отрицания в них // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 13, Ч. 1. СПб.: Наука, 2017. С. 110–146
- Серээдар Н. Ч.** Именные модели элементарных простых предложений в тувинском языке. ... в тувинском языке. Диссертация... доктора наук. 2019.
- Федотов М. Р.** Чувашский язык в системе алтайских языков. В 3 т. Т. III. Чебоксары, 1986.
- Baranova V., Mishchenko D.** Non-verbal negation markers and the Negative Existential Cycle in Bashkir and Kalmyk with some typological parallels L. Veselinova, Hamari (eds.). The Negative Existential Cycle from a Historical-Comparative Perspective. Berlin: Language Science Press. P. 343-381. In print.
- Miestamo M.** Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. Berlin, New York, 2005.
- Veselinova L.** Special Negators in the Uralic Languages: Synchrony, Diachrony and Interaction with Standard Negation // M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds), Negation in Uralic Languages. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 547–600.

Баранова Влада Вячеславовна, кандидат исторических наук.

Доцент.

**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург.**

Ул. Союза Печатников, д. 16, г. Санкт-Петербург, 190008.

Научный сотрудник.

Институт лингвистических исследований РАН.

Пер. Тучков, д. 9, г. Санкт-Петербург, 199053.

E-mail: vbaranova@hse.ru

Материал поступил в редакцию 24 июня 2020 г.

V. V. Baranova

CHUVASH NEGATION MARKER *MAR*

The paper deals with negation markers *mar* in Chuvash in the context of negation markers in non-verbal predication in other Turkic varieties. The field data (elicited example and texts) were collected in Maloye Karachkino, Yadrinsky District, Chuvash Republic in 2017–2019, so the study concerns the Maloye Karachkino (or Poshkart) dialect. The paper describes in details the uses of negation marker *mar* and it claims that the negation marker *mar* has functions of ascriptive negation conveying the meanings of identification and attribute of an object. It also negates some locative contexts. The other type of uses concerns with an intrusion of the negation marker *mar* into the negation of verbal predication. The negation marker *mar* occurs with some non-finite forms (the future participle on *-as-*, the infinitive ending on *-ma-* and the form on *-malla*).

The paper aims to analyze the negation marker *mar* in Chuvash and additionally put it in the context of Volga and Siberia Turkic languages. There are related negation markers (*eves* in the Tuvian language, *emes* in Tofa, *nimes* in Khakas and others) in Siberian Turkic languages and non-related

ascriptive negation markers (*tügel* in Tatar and Bashkir, *degil* in Turkish). As evidenced by different corpora of Turkic languages in Siberia and Volga, such negation markers have the same core semantic covering ascriptive negation. Their extensional meanings are, however, different, as well as their grammatical features. Thus, this short description may be first step to further research of microtypology of non-verbal negation.

Keywords: *Chuvash, Turkic languages, non-verbal negation markers, ascriptive negation.*

References:

- Baranova V., Mishchenko D.** Non-verbal negation markers and the Negative Existential Cycle in Bashkir and Kalmyk with some typological parallels L. Veselinova, Hamari (eds.). The Negative Existential Cycle from a Historical-Comparative Perspective. (Studies in Diversity Linguistics Series). Berlin: Language Science Press. P. 343-381. In print.
- Sereedar N. Ch.** Imennye modeli elementarnykh prostykh predlozhenij v tuvinskom yazyke [Nominal model in elementary simple sentences in the Tuvian language]. Dissertatsija na soiskanije.... doctora nauk. M., 2019.
- Dambaa O. V.** Leksicheskie sredstva otricanija v tuvinskom yazyke v sopostavlenii s yuzhnosibirskimi tyurkskimi, mongol'skim i drevnetyurkskim yazykami [Lexical means of negation in the Tuvan language in comparison with the South Siberian Turkic, Mongolian and old Turkic languages]. Avtofeerat dis. ...kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2005. (in Russian)
- Fedotov M. R.** Chuvashskij jazyk v sisteme altajskikh jazykov. V 3 t. T. III. Cheboksary, 1986.
- Miestamo M.** Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. Berlin, New York, 2005.
- Mishchenko D. F.** Neglagol'nye predlozhenija bashkirskogo jazyka i sposoby vyrazhenija otricanija v nih [Non-verbal predication in Bashkir and the ways of its negation] // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvистических issledovanij. V. 13, Part 1. SPb.: Nauka, 2017. P. 110–146
- Veselinova L.** Special Negators in the Uralic Languages: Synchrony, Diachrony and Interaction with Standard Negation // M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds), Negation in Uralic Languages. Amsterdam: John Benjamins, 2015. P. 547–600.

Baranova Vlada Vyacheslavovna, candidate of historical science.

Associate professor.

National Research University «Higher School of Economics», St. Petersburg.

16 Union of Printers st., St. Petersburg, Russia, 190008.

Research fellow.

RAS, Institute for linguistic studies.

9 Tuchkov lane, St. Petersburg, Russia, 199053.

E-mail: vbaranova@hse.ru